Существенно в кремлевской иконе не только то, что в ней происходит, но и то, как понимается живописный образ. Для того чтобы подойти к этому, нужно обратить внимание еще на одну особенность ее последнего клейма. Святополк падает с носилок, но самые носилки как бы повисли в воздухе, они существуют как «вещь в себе». Конь переступает ногами, но не двигается вперед (ведь перед ним пропасть) — он тоже существует как «вещь в себе». В связи с этим и падающий Святополк как бы навеки застыл в пространстве. Все предметы не только участники определенного действия, но и приобретают значение символов. Юноша — это тот, кто «воссел» на коня, — привычное выражение древнерусских летописей. Святополк — это тот, кто «впадает в грех». Юноша на коне — это подобие доблестного, изящного Георгия Победоносца, ему противопоставлен его антипод, человек, опрокинутый вверх ногами, утративший человеческий облик, уподобленный четвероногому. Юноша на гнедом коне выделяется темным силуэтом на фоне светлой горы, падающий — наоборот, светлым силуэтом на черном фоне бездны. Во всем представленном сквозь частное проглядывает общее. Притча превращается в сентенцию, изображение — в геральдический знак, наказание злодея — в вечное проклятие всякому преступнику. Сила этого образа в том, что он стоит как бы на грани двух значений, двух миров, ни одно не уничтожает другого, отсюда его многогранность и глубокомыслие.

Если говорить о стиле иконописного повествования в иконе из Коломны, то наиболее близкие к нему аналогии можно найти в древнейших так называемых «кратких житиях» — лаконичных, лапидарных, лишенных каких-либо украшений.[14] Что касается стиля кремлевской иконы, то он более украшенный, цветистый, но его нельзя отождествлять со стилем житий Епифания и Пахомия и тем более с высокопарной и пустой риторикой Степенной книги.[15] В кремлевской иконе есть элементы повествования, назидания и похвалы, но вся ее философская глубина рождается из того, что мы непосредственно видим в ней, из ее несравненных живописных достоинств, из гармонии силуэтов и красок. В этом отношении структура этого образа находит себе ближайшие аналогии только среди шедевров греческой классики и итальянского Ренессанса. Разумеется, в понимании образа создатель кремлевской иконы Бориса, Владимира и Глеба больше всего обязан традициям, за сто лет до него заложенным Андреем Рублевым в его «Троице».

---

[14] В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.

[15] Д. С. Лихачев. Человек в литературе Древней Руси. М.—Л., 1958, стр. 109.